

Глиптика Средней Азии и Ближнего Востока

© 1999 г.

СИРО-ХЕТТСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОЙ ГЛИПТИКИ

Последние два десятилетия в археологии Центральной Азии ознаменованы открытием в Бактрии и Маргиане высокоразвитой культуры древневосточного типа, относящейся к эпохе поздней бронзы; она получила условное название Бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК)¹. Одним из характерных признаков БМАК являются оригинальные печати, занимающие особое место в глиптике древнего Востока. Помимо Бактрии и Маргианы подобные медно-бронзовые перегородчатые печати и амулеты с двусторонними гравированными рисунками (в меньшей степени трехгранные призмы и цилиндрические печати) были распространены в Восточном Иране и Белуджистане. Западнее линии Тепе-Гиссар – Шахдад – Тепе-Яхья они практически не известны, единичные находки подобных печатей на территории от Элама до Мари в Сирии объясняют их импортным происхождением².

Первый исследователь глиптики Бактрии П. Амье сразу же отметил ее западное происхождение, указав при этом, что амулеты Бактрии стоят ближе к сиро-анатolianской, чем к месопотамской глиптике³. Д. Коллон, рассматривая композиции на некоторых цилиндрических печатях из Маргианы, также отметил, что они были инспирированы сценами одновременных печатей Сирии⁴. Дальнейшее накопление соответствующего материала как из хищнических раскопок древних могил Бактрии, так и в результате археологических работ в Северной Бактрии и Маргиане, позволило привести дополнительные доводы в пользу предположений названных исследователей⁵.

В начале нашего века В. Вард предложил выделить в сиро-хеттской глиптике два основных стиля: «вавилонский» и «египетский»⁶. Бактрийско-маргианская глиптика в целом более тяготеет к «египетскому» стилю из-за сходных персонажей (крылатые антропоморфные божества, коленапреклоненные фигуры с головами птиц, людей и животных) и тематически близких сцен, например, композиций с акробатами и др. В настоящее время, благодаря любезности двух крупнейших американских коллекционеров бактрийских древностей Р. Гарнера и Дж. Розена, а также владельца «Анахит Галлери» А. Хейла, появилась возможность еще раз вернуться к вопросу о связи бактрийско-маргианских печатей с глиптикой сиро-хеттского региона, но уже на не-

¹ Сарцианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

² Там же. С. 88 сл.

³ Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre Collection // Bactria an Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venezia, 1989. P. 172.

⁴ Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Near East. L., 1987. P. 142.

⁵ Сарцианиди В.И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // СА. 1989. № 4.

⁶ Ward W. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910. P. 270.

Рис. 1. «Хозяин» или «хозяйка» животного мира

фигуры представляют собой реальные человеческие персонажи, но в отдельных случаях у этих фигур птичьи головы и крылья (рис. 1). Подобные человеческие фигуры широко известны в ближневосточной глиптике (особенно аккадской), но там они всегда изображаются обнаженными и переданы фронтально. В Бактрии и Маргиане это также фронтально стоящие фигуры, преимущественно полубнаженные, но всегда с головой в профиль. В месопотамской глиптике такие человеческие фигуры обычно изображаются без сопровождающих их животных или птиц, а вот в сиро-анатолийском, и особенно в митаннийском, регионах такие персонажи всегда сопровождаются животными, выступая в роли «хозяина» или «хозяйки» животного мира; там это едва ли не самые популярные композиции⁷. Более того, подобно бактрийско-маргианским персонажам они всегда изображаются стоящими фронтально с повернутыми в профиль головами, параллель вряд ли случайная. В этом плане особенно показателен оттиск цилиндрической печати на сосуде из теменоса

Рис. 2. Оттиск цилиндрической печати на сосуде из теменоса Гонура

южного Гонура, где в центре композиции стоит крылатый птичеловек с повернутой в профиль птичьей головой, держащий двух поверженных крылатых козлов (рис. 2). Близкие параллели эта композиция находит в митаннийской глиптике⁸, но в особенности – на одной печати из Богазкёя⁹.

Антропоморфные божества, стоящие или восседающие на реальных или фантасти-

⁷ Porada E. Corpus of Near Eastern Seals in North American Collections. Washington, 1948. № 1030, 1031; Contenan G. La Glyptique Syro-Hittite. P., 1922, № 182; Barrelet M. Les déesses armées et ailées // Syria. 1955. T. XXXII. № 11.

⁸ Porada. Op. cit. № 1030, 1031, 1033, 1036.

⁹ Beran T. Die Hethitische Glyptik von Boğazköy. B., 1967. T. 8. № 77.

Рис. 3. Крылатый человек с двумя птичьими головами, восседающий на пантерах (Бактрия)

Рис. 4. Коленопреклоненный антропоморфный персонаж (Бактрия)

Рис. 5. Серебряная печать с изображением коленопреклоненного персонажа

Рис. 6. Каменный амулет с изображением коленопреклоненного персонажа

ческих животных, – очень популярные персонажи сирийской и митаннийской глиптики (Э. Порада называла такие печати печатями «каппадокийского стиля»); в Анатолии они составляют около четверти корпуса учтенных изображений и определяются как «божества погоды». Интересно сопоставить с ними изображения на бактрийской печати, где на двух пантерах гордо восседает крылатый человек с двумя орлиными головами (рис. 3). Из Бактрии же происходит серебряный с позолотой церемониальный топор, изображающий такого же крылатого антропоморфного персонажа с двумя орлиными головами; в одной руке он держит монстра, в другой – вебря.

Самые ранние подобные изображения «хозяина» или «хозяйки» животного мира происходят из дворца в Ачем-Гююке. Датируются они в пределах 1800–1750 гг. до

н.э., что выделяет Анатолию как наиболее вероятный центр происхождения этого характерного мотива, откуда он мог попасть и в эгейский мир¹⁰, а через Месопотамию в Элам. Правда, в Месопотамии «хозяин» или «хозяйка» животных стоят фронтально и сражаются с животными, а в Эламе полуобнаженные фигуры повелителей зверей держат своих подопечных поверженными¹¹.

Коленопреклоненные антропоморфные фигуры. Представительную и в высшей степени характерную группу в глиптике БМАК составляют печати с центральными антропоморфными персонажами с птичьими (орлиными, когда можно установить) головами, реже с головами рогатого бородатого козла, гривастого льва и, предположительно, бородатого человека.

Решительное большинство таких коленопреклоненных фигур, по-видимому, женские (в одном случае это женщина с обнаженной грудью), полуобнаженные, в короткой юбочке, иногда перехваченной двойным пояском со свободно свисающими, слегка изогнутыми концами. Изображение их всегда каноническое: в профиль, корпус развернут анфас (в единичных случаях полностью в профиль), примерно у половины из учтенных одна рука поднята, другая опущена, у четверти обе руки подняты вверх, в единичных случаях руки опущены (рис. 4). Головы украшены плавно изогнутым хохолком или зубчатым гребнем. В редких случаях из-за плеч вверх поднимаются крылья, иногда изогнутые крылья изображены вместо рук. Изредка у них из-за плеч поднимаются два прямых луча (а иногда один луч), возможно, передающие пламя¹², такие изображения встречаются и в аккадской глиптике¹³.

Выделяется великолепная серебряная бактрийская печать (Музей Лос-Анджелеса) с коленопреклоненной человеческой фигурой; у нее голова орла, руки сложены на талии. Вокруг по контуру печати изображены однотипные крылатые змеиные драконы, хвосты которых держит в руках центральный персонаж (рис. 5).

На каменном бактрийском амулете выгравирован коленопреклоненный птице-человек в короткой юбочке, держащий в обеих руках по козлу; под его руками извивается пара змей или змеиных драконов, что представляется более вероятным (рис. 6). В тех случаях, когда такие коленопреклоненные персонажи гравировались на миниатюрных каменных амулетах, видимо, из-за нехватки места многие детали канонического образа опускались, например, не показаны бывают крылья и даже руки. Уже было отмечено чрезвычайно близкое сходство бактрийских коленопреклоненных фигур с так называемыми духами-гениями, столь популярными в сирийской глиптике. П. Амье прямо писал: «Трудно предположить, что эти фигуры возникли в обеих странах самостоятельно»¹⁴. Сходство отмечается не только в общей иконографии, но и в стилистических деталях (хохолки на головах, двойные пояски на талии, крылья вместо рук), что исключает случайное совпадение.

В глиптике БМАК количество таких печатей и амулетов достаточно велико, что дает основания считать их чисто местными произведениями. Кроме того, один такой маргианский амулет и несколько бактрийских были изготовлены из лазурита, поделочного камня редкого в Сирии и Анатолии и широко представленного в Центральной Азии, где и в древности в Бадахшане находились лазуритовые копи. Наиболее древние изображения птицелюдей происходят из Ачем-Гююка (1800–1750 гг. до н.э.), а самые ранние коленопреклоненные персонажи появляются в сиро-хеттской глиптике, где, кстати, они иногда изображены с головами животных¹⁵.

Герои-драконоборцы. Эта группа печатей и амулетов выделяется изображениями центральной человеческой фигуры (иногда с птичьей головой), обнаженной, сжима-

¹⁰ Özguç N. Seal Impressions from the Palaces at Achemhoyuk // Ancient Art in Seals. New Jersey, 1980. Gig. III, 49.

¹¹ Schaeffer-Forrer C. Corpus des cylindres-sceaux de Ras Shamra-Ugarit et d'Enkomi-Alasia. P., 1983. P. 56.

¹² Amiet P. Antiquités de Bactriane // La revue du Louvre et des musées de France. P., 1978. T. 28.

¹³ Buchanan B. Early Near Eastern Seals in the Yale Babylonian Collection. New Haven-London, 1981. P. 469.

¹⁴ Amiet. Antiquités de Bactriane. P. 162.

¹⁵ Ward. Op. cit. P. 304.

Рис. 7. Герой-драконоборец

Рис. 8. Человек, борющийся с крылатыми змеиными драконами

Рис. 9. Сидящий человек с двумя змеиными драконами

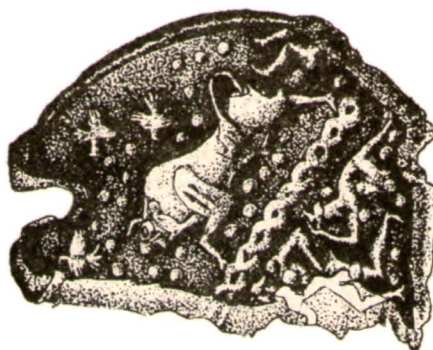

Рис. 10. Акробат (Маргиана)

ющей руками пару извивающихся змей, а точнее змеиных драконов (рис. 7). В литературе уже неоднократно отмечалось, что очень сложно провести различие между реальными змеями и фантастическими змеиными драконами. Скорее всего в таких композициях герои борются именно со змеиными драконами, подтверждением этому может служить медно-бронзовая печать, где змеи имеют изогнутые крылья (рис. 8); изображение крылатого змеино-го дракона сохранилось и на каменном амулете¹⁶. В основном герои (предположительно – божественные герои) изображены стоящими фронтально, голова в профиль, и лишь на единичных печатях они изображены сидящими на стуле или в кресле, сжимая в руках пару змеиных драконов (рис. 9). Большой интерес представляет бактрийская серебряная печать, на которой центральный сидящий персонаж изображен с рогами, что, очевидно, указывает на его божественную природу. На другой бактрийской печати стоящий рогатый человек

¹⁶ Hori A., Isida B. *Lapis-Lasuli Road*. Tokio, 1986.

борется с пятиглавой змеей, а точнее – с гидрой; это несколько напоминает сюжеты аккадской глиптики Месопотамии¹⁷.

Тема человека, борющегося со змеиными драконами, очень популярна в глиптике поселения Тепе-Гавра, где известны такие герои с птичьими головами; отсюда этот мотив попадает в Элам и Западный Иран (Тепе-Гиян) и, по-видимому, распространяется вплоть до Бактрии и Маргианы. Во всяком случае можно считать доказанным влияние глиптики Тепе-Гавра на глиптику Элама и Тепе-Гияна, откуда оно *могло* распространиться далее в восточном направлении вместе с распространением эламской культуры в пределы Внешнего Ирана.

Рис. 11. Оттиск цилиндрической печати. Драконы, атакующие людей (Бактрия)

Акробаты. В настоящее время композиции, включающие прыгающих акробатов, найдены в Маргиане на амулете со сценой тавромахии (рис. 10) и на одной цилиндрической печати¹⁸. Пока они не были засвидетельствованы в Иране, Афганистане и собственно Месопотамии, но зато имеются в сиро-анатолийском регионе, где, по мнению Э. Порады, могли возникнуть под крито-микенским влиянием¹⁹. На цилиндрической печати из Маргианы все антропоморфные персонажи имеют головы обезьян, и в этом отношении они близки к подобным же фигурам сиро-хеттской глиптики²⁰. Встречаются они и в митаннийской глиптике, где, кстати, известны и композиции с прыгающими акробатами²¹. Фигура барабанщика с обезьяньей головой на маргианском цилиндре входит в круг персонажей «капелл животных» сиро-анатолийской глиптики²². Укажем на изображения обезьяны с барабаном из Телль-Халафа и на человека с головой козла, бьющего в тамбурин, на сосуде из Боказкя²³. Отметим, что люди с головами обезьян, которых атакуют змеиные драконы, известны в бактрийской глиптике (рис. 11). На маргианском цилиндре один персонаж держит в руках два так называемых «жезла с шарами», которые хотя и появляются

¹⁷ Pittman H. Art of the Bronze Age. 1984. Pl. 26, b.

¹⁸ Сариниди. Сиро-хеттские божества... Рис. 5.

¹⁹ Porada E. Syrian Seals from the Late Fourth to the Late Second Millennium // Ebla to Damascus. Washington, 1985. P. 98.

²⁰ Contenau. Op. cit. № 312.

²¹ Porada E. Remarks on the Mitannian (Hurrian) and Middle Assyrian Glyptic Art // Akkadika. Bruxelles, 1979. № 13. Fig. 1–5.

²² Parrot A. Assur. München, 1961. Fig. 100.

²³ Boehmer R. Die Reliefkeramik von Boğazköy. B., 1983. T. X. № 25; Bossert H. Altsyrien. Tübingen, 1951. № 437.

еще в период III династии Ура, популярными становятся на митанийских печатях²⁴. Имеющиеся в настоящее время данные указывают на сравнительно широкий охват таких тем и образов в сиро-анатолийском регионе, откуда они продвигаются в восточном направлении вплоть до БМАК.

Высказано предположение, что сцены с танцами, включающие акробатов и «жезлы с шарами», могли появиться в Анатолии и Сирии под египетским влиянием²⁵, а сцены тавромахии происходят из критского мира; обнаружение их в Маргиане может маркировать дальнейший путь их распространения в восточном направлении. По крайней мере именно так интерпретировал сцену тавромахии на печати, происходящей из долины Инда, В. Файрсервис, который увидел в ней проявление влияний крито-микенского мира²⁶.

Змеи и драконы. На печатях и амулетах БМАК змеи и драконы очень часто показаны под животами животных (реже птиц). Головы рептилий тянутся к задним ногам животных, скорее всего это отражает идею похищения «жизненного семени», символа продолжения жизни и всего сущего в мире. Эта тема буквально пронизывает глиптику БМАК. В пределах Центральной Азии истоки таких композиций практически не известны, зато они были весьма популярны в глиптике Сирии (Гавра) с очень давнего времени²⁷. По-видимому, отсюда этот специфический мотив, судя по материалам Тепе-Гиан²⁸ проникает в Элам²⁹ и Западный Иран. Подобные композиции известны в Анатолии (Арсалан-тепе) уже в III тыс. до н.э.³⁰, что указывает на сиро-анатолийский центр зарождения этого специфического мотива, распространившегося затем вплоть до Элама и территории БМАК.

Образы драконов известны в искусстве Ближнего Востока везде, но в зоне распространения БМАК (за единичными исключениями) это – *змеиные драконы*, в целом отличные от месопотамских, выступающих в виде фантастических четвероногих животных, нередко с короной на голове. Отсутствие корон или наличие на носу шишечки или рога, а на подбородке бороды сближает змеиных драконов БМАК скорее с эламскими, чем с месопотамскими чудовищами.

Для амулетов БМАК очень характерны изображения плетенки без начала и конца (рис. 12), составленные из пожирающих друг друга змеиных драконов, которые близко напоминают пару кусающих собственные хвосты змей (образующих вместе ту же плетенку) на одной битумной плите из Элама³¹. В глиптике Месопотамии они в таком виде практически неизвестны, но плетенки без начала и конца были широко распространены в Анатолии (Каниш, Алишар, Кайсер, Богазкёй)³². Правда, здесь такие плетенки составлены не из взаимно пожирающих друг друга драконов, а скорее представляют собой так называемое «сенгеро-колесо», которое также имеется на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы. Причем в Бактрии, помимо таких четырехплетельчатых плетенки без начала и конца, известны и трехплетельчатые, весьма популярные и в сиро-хеттской глиптике.

Считается, что изображение просто переплетенной пары змей раньше всего появляется в Эламе (Сузы I); продолжением этого образа является более усложненная композиция на вышеупомянутой битумной плитке (Сузы II). Одновременно (или не-

²⁴ Porada. Corpus of Near Eastern Seals... № 1012. 1013.

²⁵ Buchanan B. A Snake Goddess and her Companions // Iraq. 1971. V. XXXIII. P. 11; Ward. Op. cit. P. 413.

²⁶ Fairservis W. The Roots of Ancient India. N.Y., 1971. P. 276.

²⁷ Tabler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. V. 11 Pl. 46. № 125; Pl. 48. № 156 и др.

²⁸ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tepe-Giyan. P., 1935. Pl. 38; № 28; Coldwell D. The Early Glyptic of Gawra. Giyan and Susa and the Development of Long Distance Trade // Orientalia. Roma, 1976. T. 5.

²⁹ Le Breton L. The Early Periods at Susa. Mesopotamian Relation // Iraq. 1957. V. XIX. Pl. 5. № 111.

³⁰ Frangipane M., Ferrero D., Berti F., Lagona S. Arsalantepe. Venezia, 1993. P. 61, 64.

³¹ Amiet P. L'Age des échanges inter-iraniens. P., 1986. Fig. 65.

³² Alp S. Zylinder und Stempelsiegel aus Karahoyuk bei Konya. Ankara, 1968. № 206, 207; Boehmer R., Gilterbock H. Glyptik aus dem Stadtgebiet von Boğazköy. B., 1987. Taf. XIII. № 133; Özçüç N. Seals from Kultepe // Anatolia. 1959. V. 4. Pl. V, b.

Рис. 12. Плетенка в виде взаимно пожирающих драконов (Маргиана)

Рис. 13. Орлиноголовый грифон (Бактрия)

сколькo раньше) такие композиции становятся известны в египетском искусстве. В месопотамской глиптике рисунок из пары переплетенных змей также имеется, но затем он исчезает вплоть до образования Хеттской империи (печати в стиле Киркук). Отмечается, что трудно объяснить появление «эламских плетенки» в хеттской глиптике, но хеттская культура была явно связана с Эламом; так считали Легран и Контено³³. Одна такая плетенка в виде «сенгерова колеса» изображена на печати из Чанху-Даро; Э. Маккей прямо отмечал, что она «...практически идентична так называемым хеттским печатям»³⁴. Думается, что плетенки БМАК и долины Инда постхарраппского времени имеют общее происхождение, восходящее в конечном счете если не к эламской, то к сиро-хеттской глиптике.

Вихревые розетки, составленные из голов птиц и животных, в единичных экземплярах известны в БМАК. Они пока не обнаружены в Иране, Афганистане и Месопотамии, но были весьма популярны в глиптике областей Персидского залива и Анатолии³⁵. Э. Порада первая указала на сходство этих розеток, предложив их вполне вероятное малоазийское происхождение, что нашло поддержку со стороны других специалистов³⁶. В зону распространения вихревых розеток входит и долина Инда³⁷. Осталось отметить фрагмент сосуда из Белуджистана, найденный Р. Безенвалем, с изображением розетки, составленной из голов орлов, что как бы маркирует промежуточный пункт распространения этого мотива из Малой Азии во Внешний Иран³⁸.

Фантастические животные. В глиптике БМАК чрезвычайно широко были распространены изображения крылатых львов, всегда в одной и той же «канонической» позе: в профиль, с широко раскрытой пастью и хвостом, заброшенным за спину. Львы здесь не водились, но они были весьма популярны в глиптике Месопотамии.

³³ См. *Beran T.* Die Hethitische Glyptik von Bogazkoy. В., 1986. Т. 8. № 81; *Osten V.* The Snake Symbol and the Hittite Twist // *AJA.* 1926. 30. P. 411.

³⁴ *Mackay E.* Chanhu-Daro Excavations. N.Y., 1967. P. 144.

³⁵ *Kjaerum P.* Failaka-Dilmun. The Stamp and Cylinder Seals. Chicago, 1983. № 1-3; *Özguç N.* Seal Impressions from Palaces at Acemhoyuk // *Ancient Art in Seals.* New Jersey, 1980. Fig. 111. 50.

³⁶ *Boehmer, Güterbock.* Glyptik aus dem Stadtgebiet... № 4; *Boehmer R.* Einflüsse der Golfglyptik auf die anatolische Stempelglyptik zur Zeit der Assyrischen Handelsniederlassungen // *Baghdader Mitteilungen.* В., 1986. Bd 17. Taf. 42, 43.

³⁷ *Joshi J., Parpola A.* Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Helsinki, 1987. № 417.

³⁸ Приношу свою благодарность Р. Безенвалю за это сообщение.

Рис. 14. Лев с человеческой головой (Бактрия)

Рис. 15. Козлы, предстоящие перед цветком (теменос Гонура)

тамии, так что их западное происхождение представляется наиболее вероятным. В нескольких случаях отмечены крылатые львы с птичьими головами, и тогда они по существу представляют собой орлиноголовых грифонов (рис. 13). Считается, что раньше всего изображения грифонов с головами орлов появляются в Египте, откуда они затем распространяются на Ближний Восток и в эгейский мир. Сравнительно часто они встречаются в хеттской и митаннийской глиптике; там они обычно изображаются с раскрытым клювом, что сближает их с грифонами на печатях и амулетах БМАК, где они доживают до начала I тыс. до н.э. Показательны орлиноголовые грифоны с раскрытым клювом и полумесяцем над ним на амулетах из коллекции Р. Гарнера, которые почти точно повторяют аналогичные изображения хеттской глиптики³⁹ и эгейского мира⁴⁰. В единичных случаях *предотавлены* в глиптике БМАК крылатые львы с опущенным хвостом и бородатой человеческой головой, причем волосы на голове перехвачены широкой лентой, а конец косицы высовывается из-под крыльев (рис. 14). Следует отметить такие же длинные головные ленты на печатях, предположительно происходящих из Юго-Восточного Ирана, на что первой обратила внимание Э. Порада⁴¹.

Животные, птицы, люди. В репертуаре глиптики БМАК достаточно полно представлены композиции с парой козлов, стоящих под деревом, которое их разделяет. Такие симметричные, или антитетичные, композиции с парой козлов (реже быков), стоящих по сторонам дерева, считаются характерными для митаннийской глиптики⁴². Следует специально отметить, что козлы иногда стоят на задних ногах, а на дереве порой сидит пара птичек, что имеет аналогии в сиро-митаннийской глиптике. Такие композиции являются практически единственным сюжетным орнаментом на керамике БМАК, в особенности на сосудах культового назначения⁴³. Уже было отмечено, что антитетичные композиции широко распространяются в связи с расширением митаннийского влияния на соседние области⁴⁴. В этом отношении показательны такие антитетичные композиции в глиптике Элама, в частности там, где между козлами изоб-

³⁹ *Osten H. von der.* Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. E. Newell. Chicago, 1934. Taf. XXV. № 377.

⁴⁰ *Porada E.* The Cylinder Seals Found at Thebes in Beotia // Archiv für Orientforschung. B., 1981. Bd XXVIII. № 1, 6.

⁴¹ *Porada E.* The Cylinder Seals // Encyclopaedia Iranica. T. VI. 1993. № 5.

⁴² *Frankfort H.* Cylinder Seals. L., 1939. P. 185.

⁴³ *Sarianidi V.* Excavations at Southern Gonur // Iran. 1993. V. XXXI.

⁴⁴ *Анпюнова Е.В.* Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2. С. 102.

Рис. 16. Орел, держащий в лапах извивающуюся змею (теменос Гонура)

ражено не традиционное дерево, а цветок мака (?)⁴⁵, что находит свою прямую реплику на булле из теменоса Гонура (рис. 15). Столь же выразительно выглядит параллель в изображениях «горы с деревом», известных в Эламе⁴⁶ и Маргиане⁴⁷, с той лишь разницей, что в Эламе по сторонам стоят козлы, а в Маргиане они заменены на пару змей, этих наиболее популярных в репертуаре БМАК персонажей. На одном амулете из Маргианы есть сцена охоты на горного козла, у которого голова повернута назад⁴⁸, что находит свои бесспорные аналогии в аккадской глиптике, причем, по Г. Франкфурту, повернутая назад голова животного отражает подлинно митаннийский мотив⁴⁹.

Редкую, но в высшей степени характерную группу составляют в БМАК композиции из двух сидящих в перекрещенной позе быков с головами, обращенными в противоположные стороны⁵⁰. Э. Порада показала их северомесопотамское (скорее всего – митаннийское) происхождение⁵¹; из Митанни они могли распространиться в соотнесенно Месопотамию и Иран (Талл-и-Мальян). Перекрещенные позы животных (быки, антилопы и др.) известны в искусстве Анатолии с начала II тыс. до н.э.⁵², и это указывает на сиро-анатолийский регион как на наиболее вероятный центр происхождения подобных мотивов. В Иране они известны пока не ранее, чем с середины II тыс. до н.э.⁵³, а существование их не только в БМАК, но и в долине Инда (в последнем случае под месопотамским влиянием)⁵⁴, возможно, говорит об их общих сиро-анатолийских истоках.

Столь же показателен распространенный в БМАК мотив борющихся между собой быков и львов, причем на одном оттиске цилиндрической печати из Маргианы вся композиция разделена на два регистра витым жгутом – характернейшей орнаментальной деталью сирийской глиптики. Более того, на маргианском оттиске оба животных разделены между собой рисунком дерева, что находит прямое соответствие в искусстве Телль-Брака⁵⁵ и Рас-Шамры⁵⁶ и выделяет район Сирии как наиболее вероятный центр происхождения этого мотива. В глиптике Месопотамии такие мотивы редки, но они достаточно широко представлены в Эламе⁵⁷, маркируя Иран как промежуточный пункт их распространения вплоть до Бактрии и Маргианы с одной стороны, и до

⁴⁵ Danthine H. *Le Palmier-Dattier et les Arbres Sacres*. P., 1937. № 632.

⁴⁶ Frankfort. *Cylinder Seals*. Pl. XVII, XXVI.

⁴⁷ Сарганиди. Древности страны Маргуш. Табл. LXXXI, № 4.

⁴⁸ Там же. Табл. LXXXVII, № 1.

⁴⁹ Frankfort. *Cylinder Seals*. P. 184. Fig. 36.

⁵⁰ Sarianidi V. *Margiana and the Indo-Iranian World // South Asian Archaeology 1993*. Helsinki, 1994. Fig. 57.

⁵¹ Porada. *Corpus of Near Eastern Seals*... P. 140.

⁵² Ozguc N. *The Anatolian Group of Cylinder Seal Impressions from Kultepe*. Ankara, 1965. Pl. VIII, XII.

⁵³ Pigott V. *The Question of the Presence of Iron in the Iron I Period in Western Iran // Mountains and Lowlands / Ed. D. Levine, K. Young*. Malibu, 1977.

⁵⁴ During-Caspers E. *Possible Harappan Contact with the Aegaeon World // South Asian Archaeology*. Naples, 1985.

⁵⁵ Buchanan B. *Catalogue of Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum*. Oxf., 1966. № 803, 804 и др.

⁵⁶ Schaeffer-Forrer. *Op. cit.* P. 14.

⁵⁷ Mecquenem R. *Fouilles de Susa. 1924–1933 // MMAP*. P. 1934. T. XXV. № 30.

Белуджистана⁵⁸ – с другой. На печатях Бактрии встречается неожиданно много изображений обезьян, хотя там они не водились. Характерно, что здесь они играют явно центральную роль, занимая главное место в композициях, а на многих медно-бронзовых печатях они являются единственными персонажами. Казалось бы, столь преувеличенное внимание к этим животным могло быть навеяно системой образов из долины Инда, но в хараппской глиптике обезьяны практически неизвестны. Имеются они в глиптике Месопотамии, но встречаются в редких случаях и всегда играют второстепенную роль. Зато, как и в Бактрии, изображение обезьяны в центре печати известно в эгейском мире (Фест); такие изображения датируются 1700–1600 гг. до н.э., и, возможно, они отражают египетское влияние. Интересно отметить, что пока такие печати с единственным центральным изображением обезьяны известны на Ближнем Востоке только в этих двух регионах⁵⁹. В Анатолии изображения обезьян представлены достаточно широко⁶⁰; туда они, как считается, попали из Египта. В таком случае не исключено, что именно отсюда образы обезьян и распространяются далее на восток вплоть до БМАК.

Точно также на печатях Бактрии и Маргианы достаточно много изображений зайцев (нередко они центральные, а то и единственные персонажи). Зайцы практически отсутствуют в месопотамской глиптике, но зато они весьма популярны в сиро-хеттской, где тоже выступают в качестве центральных персонажей⁶¹.

Выше уже отмечалось, что на композиции с парой козлов у дерева в ряде случаев на ветвях сидят птички. Бывают и просто изображения дерева с парой птичек (без козлов), также весьма характерные для сиро-хеттской глиптики⁶².

Среди пернатых персонажей преобладают орлы, преимущественно в "геральдической" позе; иногда их сопровождают змеи, что может отражать извечную борьбу птиц и рептилий. На булле с теменоса южного Гонура орел когтит змею (рис. 16); возможно, эти изображения восходят к месопотамскому мифу об Этане⁶³.

Исключительно интересны двуглавые орлы на печатях Бактрии, практически отсутствующие в Иране и крайне редкие в Месопотамии⁶⁴, но широко представленные в Сирии и Анатолии, где, по единодушному мнению специалистов, и следует помещать центр происхождения этого мифологического образа⁶⁵. Особенно показательны орлы с парой закрученных лент по бокам, как это можно видеть на одной бактрийской печати из коллекции Р. Гарнера (рис. 17), это – стилистическая деталь, прямо повторяющаяся на рельефах Язылыкайя в Анатолии⁶⁶, а также на печатях с изображением одноглавых и двуглавых орлов⁶⁷. В Малой Азии эта деталь широко использовалась местными мастерами, о чем можно судить по изображениям крылатого колено-преклоненного птичеловека, опоясанного по талии лентой с закрученными по обоим бокам концами⁶⁸. Если учесть, что в других случаях такие коленопреклоненные птицелюди Анатолии имеют двойные пояса, закрученные концы которых располагаются за спиной этих фигур, то станет очевидной их связь с бактрийскими.

На печатях и амулетах БМАК имеются реалистично выполненные изображения людей; среди них выделяется амулет из коллекции Д. Розена с изображением пред-

⁵⁸ Garrige J.F. Les relations entre l'Asie Centrale, Meridionale, la Beluchistan et la vallée de l'Indus à la fin du 3-e et au début du 2-e millénaire // Actes du colloque franco-soviétique sur l'archéologie de la Bactriane ancienne. P., 1985.

⁵⁹ Higgins R. The Aegina Treasure. L., 1979. P. 20.

⁶⁰ Ozguc. The Anatolian Group... P. 47.

⁶¹ Contenau. Op. cit. № 175, 315; Schaeffer-Forrer. Op. cit. P. 31; Ward. Op. cit. P. 419.

⁶² Contenau. Op. cit. № 201, 283 и др.

⁶³ Porada E. The Art of Ancient Iran. N.Y., 1965. P. 42.

⁶⁴ Buchanan B. A Snake Goddess and her Companions // Iraq. 1971. V. XXXIII. № 285.

⁶⁵ Gurney O. The Hittites. L., 1954. P. 202. Fig. 8; P. 211; Alp. Op. cit. № 68.

⁶⁶ Alp. Op. cit. № 73.

⁶⁷ Boehmer. Giltterbock. Op. cit. Taf. 34. № 267.

⁶⁸ Teissier B. Ancient Near Eastern Cylinder Seals from the Marcopoli Collection. Berkeley, 1984. № 495.

Рис. 17. Орел с парой закрученных на концах лент

положительно женщины, сидящей на кресле с высокой спинкой, руки у нее подняты вверх, на голове – "цилиндр" (рис. 18), что чрезвычайно близко напоминает прямоугольные с загнутыми вверх полями (определяемыми как рога) головные уборы божеств сирийской глиптики. В. Вард неоднократно отмечал, что именно прямоугольные головные уборы, напоминающие цилиндры, являются характерной особенностью хеттских божеств⁶⁹. На нескольких амулетах сохранились изображения сидящих на тронах со спинками человеческих фигур – перед ними алтарь и стоящие персонажи (рис. 19). Такие композиции были широко распространены в глиптике Ближнего Востока, однако на бактрийских печатях с сидения спускается зубчатая бахрома, деталь практически неизвестная ранней месопотамской глиптике, но неоднократно отмеченная в ассирийской⁷⁰ вплоть до новоассирийского периода⁷¹.

На бактрийских амулетах все человеческие фигуры отличаются стройностью форм и сухостью исполнения, что разнит их от персонажей сиро-хеттской глиптики и сближает с новоассирийскими начала I тыс. до н.э., которые в свою очередь, по мнению М. Меллоуна, имели сирийское происхождение⁷².

Из храма Тоголок-21 в Маргиане происходит амулет с изображением на одной стороне двух козлов, стоящих на задних ногах по сторонам центрального дерева, а на другой – лежащих за земле людей, которых терзает крылатое и рогатое чудовище⁷³. Как сама композиция, так – в особенности – такие стилистические детали, как рога,

⁶⁹ Ward. Op. cit. P. 38, 386. № 884, 888, 880, 961; см. также Contenau. Op. cit. № 154, 159.

⁷⁰ Collon. Op. cit. № 297; Teissier. Op. cit. № 143.

⁷¹ Collon. Op. cit. № 338; Ward. Op. cit. № 733, 755; Teissier. Op. cit. № 217, 220.

⁷² Mallowan M. Nimrud and its Remains. L., 1966. V. I. Fig. 95.

⁷³ Сариганиди В. И здесь говорил Заратуштра. М., 1991. Рис. 52.

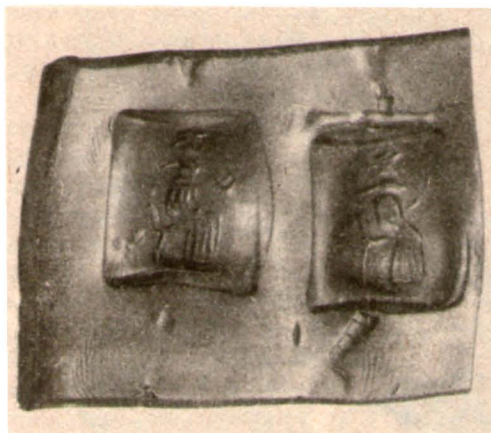

Рис. 18. Каменный амулет. Сидящие женщины с «цилиндрами» на головах

Рис. 19. Сидящий на троне человек с предстоящей фигурой (Бактрия)

Рис. 20. Крылатый птичеловек (Бактрия)

Рис. 21. Стоящий птичеловек в короткой юбке

трехпалые лапы, шишечка на хвосте, близко напоминают изображение на печати из Кюль-тепе⁷⁴.

Столь же показателен медно-бронзовый амулет, на одной стороне которого имеется типично бактрийское изображение крылатого льва в окружении змей, а на другой – крылатый птичеловек в длинных одеяниях с поднятыми перед грудью руками (рис. 20), очень популярный в искусстве Сирии и в особенности Ассирии (Каркемиш, Нузи)⁷⁵.

⁷⁴ Ward. Op. cit. Pl. 293. № 900.

⁷⁵ Contenau. Op. cit. Pl. XXIX. № 198; Pl. XXX. № 203; Gurney O. The Hittites. L., 1954. № 19; Barrelet M. Op. cit. № 12.

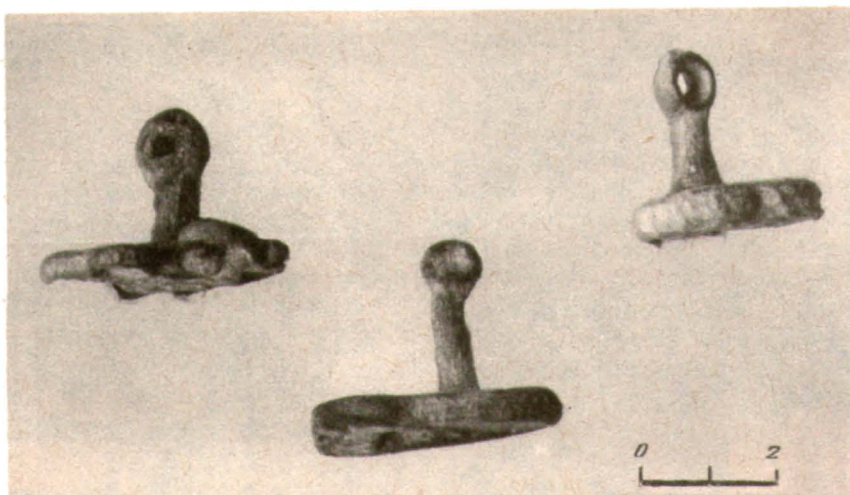

Рис. 22. Печати «хеттского» типа с длинными ручками (Бактрия)

Особого внимания заслуживает бактрийский трехгранник: на одной его стороне имеется изображение стоящего крылатого человека с птичьей головой в короткой юбочке (рис. 21), который чрезвычайно близко напоминает такие же персонажи сиро-хеттской глиптики, определяемые в свою очередь как сделанные под кипрским влиянием.

Вышеприведенные факты и наблюдения со всей определенностью указывают на сходство глиптики Бактрии и Маргианы с переднеазиатской, преимущественно – с сиро-анатолийской. К сказанному следует добавить, что среди бактрийских медных печатей встречаются печати с необыкновенно длинными столбиками-ручками с шишечками на концах (рис. 22). Им соответствуют не угловатые геометрические орнаменты, а напротив, орнаменты с плавно изогнутыми, закругленными линиями, похожими по формам и композиции на печати-штампы сиро-хеттской глиптики. Судя по тому, что рисунки на них лишь в общей форме соответствуют сиро-хеттским, можно считать, что бактрийские печати были изготовлены на месте и как бы демонстрируют затухающие традиции своих далеких прототипов. Отметим, что трехгранные призмы-амулеты не известны в Иране и Месопотамии, но они были характерны для сиро-анатолийского района. Перегородчатые штампы-печати практически не известны в Месопотамии, но были характерны для Анатолии до распространения здесь печатей-цилиндров. Многие темы и образы сиро-хеттского круга в БМАК нанесены не на цилиндрические печати, а на двусторонние амулеты, характерные для глиптики БМАК. Все это не исключает наличия в БМАК импортных печатей, примером чего может служить цилиндрическая печать из коллекции Р. Гарнера с изображением коленопреклоненных людей и фантастических существ, выполненных в типично митаннийском стиле.

Особое место в глиптике БМАК занимает фигурная серебряная печать из Маргианы, представляющая собой восседающую на троне женщину, облаченную в типично шумерийское одеяние «каунакес» (рис. 23), близко напоминающую составные статуэтки Бактрии и Маргианы⁷⁶. И.С. Клочков показал ее близкое сходство с изображениями на старозеламском кубке из Ирана⁷⁷, однако не исключено, что все они отражают общее северомесопотамское влияние. В этом отношении интересны сходные по типу

⁷⁶ Сариниади В.И. Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. 1995. № 1.

⁷⁷ Клочков И.С. Знаки на черепке с Гонура // ВДИ. 1995. № 2. С. 57.

лица людей на мозаике из дворца в Мари, а также сходное изображение тронов с ножками в виде ног животных⁷⁸.

На рубеже II–I тыс. до н.э., по свидетельству позднемаргианских памятников (Тоголок-1, Тоголок-21, темнос Гонура), постепенно распространяются печати-штампы конической или пирамидальной форм со сквозными отверстиями в узкой части и простыми геометрическими орнаментами – на основании (рис. 24). Точно такие же по форме печати-штампы с изображением как реальных, так и фантастических животных происходят из погребальных приношений могил Бактрии, а вместе они находят прямые (доходящие до тождества) аналогии в нововавилонской глиптике Месопотамии. Как известно, такие конические или пирамидальные печати-штампы постепенно замещают цилиндрические печати и становятся характерными для новоассирийского времени; затем они распространяются по всей Месопотамии в нововавилонское время. С военной экспансией новоассирийских царей в сторону Западного Ирана такие печати-штампы распространяются в Мидии, а позднее они становятся популярными в Ахеменидской империи. Обнаружение таких же печатей-штампов в БМАК отражает самый восточный пункт их распространения, а практическое отсутствие на них типично ахеменидских изображений может указывать на появление их здесь в предшествующее время.

Знакомство с коллекциями Р. Гарнера, Дж. Розена, «Анахит Галлери» и с печатями и амулетами, происходящими из археологических раскопок Маргианы и Северной Бактрии, дает основания говорить о генетической близости бактрийско-маргианской и сиро-хеттской глиптики; промежуточное место между ними занимает глиптика Элама. Для уточнения данного предположения остается выяснить направление исторических связей, в первую очередь – хронологические рамки существования глиптики этих двух огромных областей Ближнего Востока.

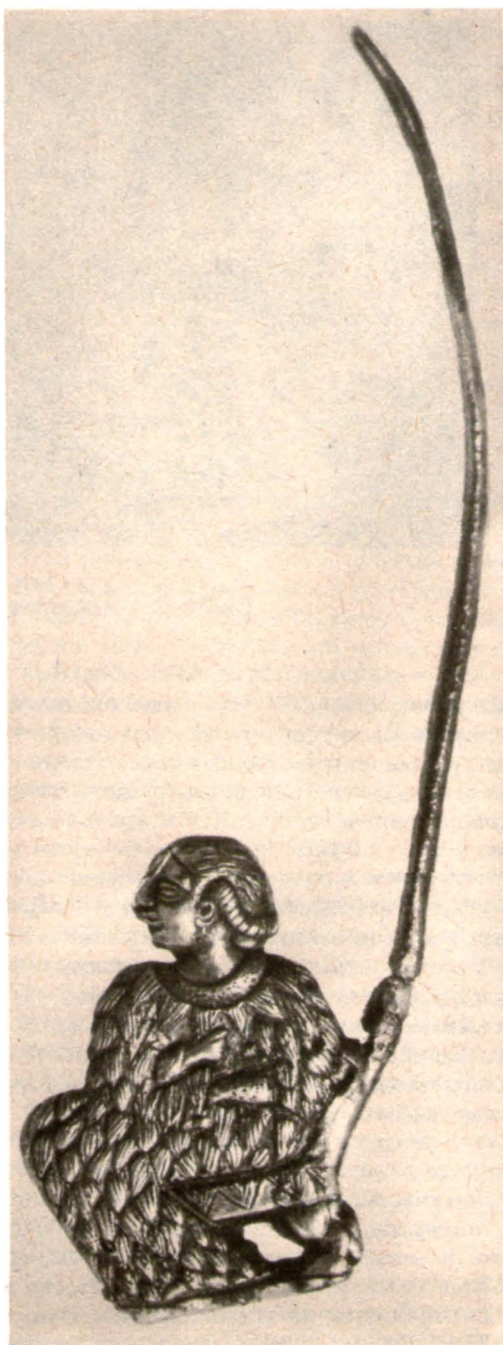

Рис. 23. Сидящая на троне женщина, облаченная в «каунакес». Серебряная булавка, переделанная из печати (Гонур)

⁷⁸ Parrot A. Mission Archéologique de Mari. T. I. P., 1956. Pl. XLI.

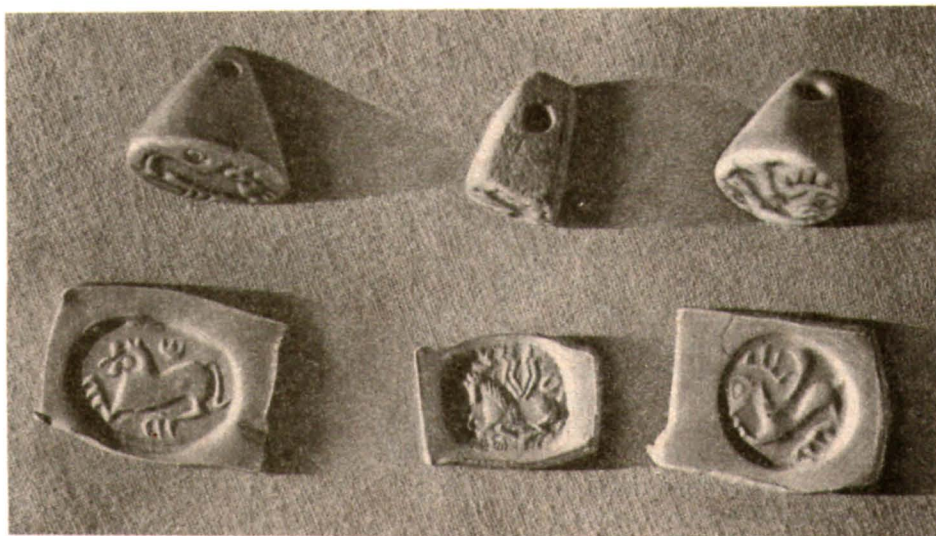

Рис. 24. Печати «новоассирийского» типа (Бактрия)

Когда специалисты впервые ознакомились с амулетами и печатями Бактрии, они находились под впечатлением месопотамских параллелей и предложили относить их к середине III тыс. до н.э. Но уже вскоре П. Амье, первым предложивший эту датировку, вполне справедливо отметил, что древности Бактрии не столько архаичные, сколько архаизованные; в последних своих работах он выдвинул и обосновал более точную дату – начало II тыс. до н.э., которую с самого начала предложили отечественные авторы⁷⁹.

Новейшие археологические раскопки в Маргиане позволяют еще более уточнить хронологические рамки существования БМАК; важным свидетельством тут являются находки железных изделий. В храме Тоголок-21 на полу одного из помещений была найдена железная бусина, а в теменосе южного Гонура (также в помещении) обнаружен фрагмент лезвия ножа (или кинжала), изготовленного из железа⁸⁰. По археологическим и письменным данным, железо на Ближнем Востоке появляется не ранее последней четверти II тыс. до н.э. Предполагается использование железа в районах с большим запасом железной руды, которую местные жители могли сравнительно легко добывать «открытым способом». Подобная ситуация могла сложиться в Анатолии (с ее богатейшими залежами железной руды в горах Понта и Тавра), где изделия из железа известны уже в эпоху бронзы, хотя едва ли можно говорить о «существовании развитой железной металлургии у хеттов»⁸¹.

Маргиана, находившаяся далеко от рудных месторождений железа, не могла познакомиться с этим металлом раньше, чем передовые центры тогдашнего мира, т.е. лишь в конце II тыс. до н.э. Практически не выходят за пределы II тыс. до н.э. и все радиоуглеродные даты (некалиброванные, так как калиброванные абсолютно неприемлемы для археологии Центральной Азии). В полном согласии с этими датировками находятся и данные специальных археомагнитных исследований, проведенных в Маргиане⁸².

⁷⁹ Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1997.

⁸⁰ Sarianidi. Margiana... P. 674; Possel G. Radiometric Dates for South Asian Archaeology. Philadelphia, 1994.

⁸¹ Гиоргадзе Г.Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 252.

⁸² Нечасова И., Бурлаков К. Археомагнитные исследования на территории древней Маргианы // Информационный бюллетень МАИКСА. М., 1994. Рис. 2.

Уже было отмечено, что БМАК находит наиболее прямые и полные свои соответствия в археологическом комплексе Гиссар III, который датируется началом II тыс. до н.э. и который вместе с тем отличается от материалов (и в том числе глиптики) нижележащего слоя Гиссар II⁸³. С другой стороны, глиптика БМАК не имеет видимых истоков в Центральной Азии.

Учитывая хронологический приоритет, глиптика сиро-анатолийского региона, по единодушному мнению специалистов, имеет свои местные истоки, и наоборот – отсутствие видимых местных корней в глиптике БМАК позволяет со всей уверенностью говорить о влиянии, идущем с запада на восток. Вместе с тем ряд авторов (и в первую очередь таких крупных специалистов как Б. Брентъес и А. Парпола) предполагают обратное влияние⁸⁴, что пока не находит подтверждения на археологическом материале.

Хотя вопрос о появлении и сложении БМАК до сих пор остается дискуссионным, предположение о приходе его характере, кажется лучше всего отвечающим всей сумме данных, которая не ограничивается глиптикой, а учитывает весь комплекс археологического материала. В настоящее время можно считать доказанным, что БМАК сложился под сильным эламским воздействием, поэтому вопрос может быть поставлен только так: было ли это простое культурное воздействие⁸⁵ или широкое переселение⁸⁶. Окончательному решению этой проблемы не хватает фактических данных с промежуточной территории, ведь БМАК как конкретный археологический комплекс не обнаружен к западу от осевой линии Тепе-Гиссар – Шахдад. Глиптика БМАК имеет сходство с глиптикой сиро-анатолийского региона, но между этими странами находится Элам.

Свыше полувека назад Г. Франкфорт отмечал сходство между материальной культурой Сирии и Элама: «...в Эламе северосирийские элементы очевидны, но их нет в Южной Вавилонии»⁸⁷. Если в Эламе эти новшества появляются «внезапно», то в Северной Сирии и Восточной Анатолии их корни обнаружены вполне определенно. В распоряжении Г. Франкфорта имелся весьма ограниченный материал, который сейчас во много раз расширился и включает вещи новооткрытого БМАК. Г. Франкфорт указывал на зооморфные сосудики из Элама, которые теперь хорошо представлены в погребальных приношениях Бактрии⁸⁸, точно так же, как и встречающиеся в могилах Бактрии⁸⁹, Элама, Сирии и Палестины, так называемые гарпуны или «сабли», которые, по мнению специалистов, имеют египетское происхождение. До самого последнего времени эти взаимные параллели оканчивались в Бактрии, но теперь они находят свое продолжение и в Маргиане. Культовые сосуды БМАК со скульптурными фризами по бортику могут быть сопоставлены с изделиями из Анатолии (Алалах, Кюль-тепе)⁹⁰ и Сирии (Телль-Брак, Нузи). Наиболее типичными и характерными среди булавок Бактрии являются булавки с навершиями в виде двух орнаментированных кружков⁹¹, известные еще только в Кюль-тепе, где они восходят к более древним образцам из Трои II и Библа. Наконец, только в БМАК известны единичные сосуды цилиндрической формы с «кармашками» сбоку, имеющими сквозные отверстия, которые теперь могут быть сопоставлены с точно такими же «кармашками» на обычных сосудах из Западной Анатолии.

⁸³ Сарцианиди. Древности страны Маргуш. С. 80 сл.

⁸⁴ Парпола А. Маргиана и проблема Арьев // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1994. С. 49–70.

⁸⁵ Amiet. L'Age des échanges inter-iraniens.

⁸⁶ Сарцианиди. Древности страны Маргуш. С. 97–101.

⁸⁷ Frankfort H. Mesopotamia, Syria and Egypt and their Earliest Interpretation. L., 1924. P. 70–74.

⁸⁸ Сарцианиди В.И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА. 1986. № 2.

⁸⁹ Сарцианиди В.И. Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2.

⁹⁰ Woolley L. Alalakh. Oxf., 1955. Pl. LVII c, LVIII; Özguç T. Ausgrabungen in Kultepe. Ankara, 1950. Taf. LVIII; idem. Kultepe – Kanish II. Ankara, 1986. Pl. 107–108.

⁹¹ Mallowan M. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. № 4.

Теория Г. Франкфорта о связи Сирии с Эламом теперь может быть расширена и включать БМАК, хотя пока отсутствуют свидетельства промежуточных территорий.

Думается, что частичное объяснение этому следует искать в конкретных исторических событиях и в первую очередь – в хеттской экспансии в пору наивысшего могущества Хеттской державы, когда ее войска доходили до Южной Месопотамии, граничившей с Эламом. Такое предположение требует новых доказательств, но некоторую параллель оно находит в существовании харрапского поселения Шортугай на берегу Амударьи, хотя до сих пор нам неизвестны памятники на промежуточной (до долины Инда) территории.

Открытие бактрийско-маргианской глиптики начинает совершенно новую страницу в древней истории не только Центральной Азии и Ближнего Востока, но и эгейского мира. Общеизвестно, что крито-микенская и сиро-анаатолийская глиптика обнаруживают достаточно много сходных тем и образов, что объясняется длительным процессом взаимовлияния. Свидетельством тому являются находки явно импортных цилиндрических печатей Анатолии и Сирии на памятниках ахейской Греции.

Уже было отмечено, что отдельные темы и образы БМАК находят впечатляющие аналогии не только в сиро-анаатолийской, но и в крито-микенской глиптике. Еще раз напомним об изображении коленипреклоненной крылатой женщины с открытой грудью, об образах «хозяина» или «хозяйки» животного мира, о полуобнаженной женской богине верхом на четвероногом чудовище, о герое, борющемся с пятиглавой гидрой, об орле, терзающем поверженного на землю человека, о змеином драконе, заглатывающем человека, которые находят вполне определенные параллели в крито-микенском искусстве. Приведенных сходных композиций недостаточно для доказательства особых связей между эгейским миром и БМАК, но их нельзя и игнорировать: с появлением новых печатей и амулетов БМАК обнаруживаются и новые удивительные параллели, например, изображение сидящей совы, столь популярной в греческом искусстве.

Очевидно, нет никаких оснований проводить прямую связь между крито-микенской и бактрийско-маргианской глиптикой; скорее следует предполагать существование общего для них центра где-то в сиро-анаатолийском регионе, откуда сходные мотивы и образы при расселении ахейских племен попадают в Грецию, а при продвижении индоиранских народов – в зону существования БМАК. Помимо чисто археологических наблюдений, такое предположение находит подтверждение и в лингвистической теории существования в Передней Азии индоевропейской прародины, восточную часть которой составляла греко-армяно-арийская языковая общность в период не позднее III тыс. до н.э. После ее распада происходит миграция протогреческого языка в эгейский мир, а арийского – в Иран и далее до долины Инда. Некоторые специалисты отмечают, что прародину ариев следует искать на юге Средней Азии, в Восточном Иране и Афганистане, где население по крайней мере уже в середине II тыс. до н.э. было либо индоарийским, либо иранским по языку.

Уже была сформулирована теория о принадлежности носителей БМАК к индоиранцам и о существовании в этой среде протозороастрийских культов и религиозных верований. Данные археологии позволяют ввести в эту зону и знаменитый некрополь Марлика, расположенный у южного берега Каспийского моря, который, по мнению Г. Курочкина, мог принадлежать индоиранской военной аристократии. А. Парпола прямо указывает, что печати из могил Марлика принадлежат к «общему митаннийскому стилю» (он говорит о местном подражании митаннийским печатям), а это имеет для нас первостепенное значение, если учитывать роль арийского элемента в митаннийском обществе.

На это же указывают и новейшие раскопки грунтового могильника у поселения Гонур, проведенные под руководством С. Сальватори, которые выявили могильные ямы, предварительно обожженные изнутри (от дна до верха), что скорее всего следует связывать с хорошо известным зороастрийским обрядом ариев, запрещавшим осквер-

нение трупом чистых стихий – огня, воды и плодородной земли. Еще до открытия этого погребального обряда И.М. Дьяконов с присущей ему интуицией указывал, что иранский обычай охранять от трупной скверны чистые стихии, несомненно, связанный и с культом огня, видимо, возник в южных оседлых районах Средней Азии и Восточного Ирана в первой трети I тыс. до н.э. Как теперь становится очевидным, этот специфический погребальный обряд впервые зафиксирован на Ближнем Востоке по крайней мере на тысячу лет ранее, чем это предполагалось прежде. Очень показательны и находки в этих могилах золотых бабочковидных подвесок, точные аналоги которых имеются в Марлике, Передней Азии и Средиземноморье. Возможно, не случайно, что собственно в Месопотамии их найдено совсем мало, тогда как много шире они представлены в Сирии и особенно – в Малой Азии (Брак, Алача, Троя[?], Дорак) и Закавказье. Скорее всего отсюда (а не из Гиссара) бабочковидные подвески распространяются в крито-микенский мир, а через Марлик и Гиссар – вплоть до Гонура.

Рис. 25. Антропоморфный персонаж с руками заканчивающимися головами змей

Дополнительные данные о принадлежности племен БМАК к индо-ариям даст анализ некоторых композиций на их печатях и амулетах. На одном бактрийском амулете обожествленный герой борется с пятиглавой гидрой, что может быть поставлено в связь с пятым Яштом в Авесте, где герой Фратаон сражается с трехглавым Аджи-Дахаком (Яшт 5, 61). Среди коленапреклоненных персонажей бактрийского пантеона имеется антропоморфная фигура с поднятыми руками, заканчивающимися головами змей (рис. 25). Г. Азарпай предлагает видеть здесь предтечу зороастрийского Аджи-Дахака, который в Авесте называется «змеечеловеком». На других амулетах изображена лишь одна голова этого чудовища со зло вытаращенными глазами и разделенными на две пряди волосами (на голове и бороде), шею которого обвивают змеи. На одном маргианском амулете имеется плохо сохранившееся изображение человеческой головы, заключенной в нимб с лучами, что до определенной степени напоминает изображение Митры в солнечном ореоле.

В глиптике БМАК были распространены изображения змеиных драконов (иногда – крылатых с рогом и бородкой), отличных от четвероногих драконов Месопотамии, но близко напоминающих эламских. М. Потье отметила, что в бактрийском искусстве такие драконы изображены среди гор, и вполне справедливо сопоставила их с драконом Вритра в Ригведе, который «лежит на горах». В Ригведе Вритра выступает как владыка всех вод, и лишь когда Индра побеждает его, он освобождает мировые воды и восстанавливает общий космический порядок на Земле. Трудно не сопоставить с этим тему героев-драконоборцев БМАК, которые, возможно, отражают идею борьбы с драконами за мировой порядок.

Как было неоднократно замечено, фаллический символизм буквально пронизывает глиптику БМАК, а тема «похищения живительного семени» является едва ли не самой популярной. Это было предложено сопоставить с ведическими обрядами подношения молока богу огня Агни: «...так как коровье молоко является ничем иным как спермой Агни... потому что Агни благодаря этому подношению воспроизводит свое собственное семя».

В древнейшей части Авесты упоминается змеиный дракон Срвар, «пожирающий

Рис. 26. Монстр, пожирающий быка

людей и лошадей», причем специально отмечаются его чудовищно огромные размеры. Среди печатей и амулетов БМАК имеются несколько экземпляров с изображением змеиных драконов (в одном случае крылатого), в пасти которых помещены верхние части людей, заглатываемых этими чудовищами. На одном амулете изображено четвероногое чудовище, заглатывающее быка, что указывает на существование разных вариантов на эту тему (рис. 26). Вместе с тем весьма показательно, что во всех случаях жертвы имеют почти микроскопические размеры сравнительно с пожирающими их драконами.

С бактрийского поселения Дашлы-3 происходит упоминавшийся уже амулет с изображением дерева с парой птичек на ветвях и двумя козлами по сторонам. Точно такие композиции в сирохеттской глиптике В. Вард предлагал связывать с авестийским мифом о дереве, семена которого птицы уносили на небо, а дожди затем снова приносят их людям на землю.

На нескольких цилиндрических печатях БМАК в сложных композициях имеются включенные в них изображения предположительно волков, причем на одном маргианском цилиндре волк изображен в явно противоборствующей позиции с антропоморфным персонажем. Тут следует отметить, что в Ригведе волк прямо ассоциируется с врагами арийцев, которые определяются как «...тот, кто бежит, как волк», причем это выражение более соответствует авестийскому, чем ведийскому тексту.

Наконец, с афганского Дашлы-3 происходит миниатюрный медный амулет с изображением двугорбого верблюда, его за повод держит младенец, что, возможно, как-то связано с именем основателя зороастрийской религии Заратуштры. Это имя некоторые лингвисты объясняют как «владелец желтых верблюдов». Имеются еще несколько бактрийских амулетов с изображением людей, держащих верблюдов за повод, что скорее всего также связано с именем этого же пророка.

Приведенные данные еще недостаточны для окончательных выводов. Однако все эти изображения, о которых шла речь, не могут быть бездумной фантазией мастеров, напротив, они отражают религиозные верования и в конечном счете являются своего рода «цитатами» или «тезисами» тех мифов, которые были распространены среди создавших их людей. Иначе говоря, сложные, явно повествовательные композиции печатей и амулетов БМАК являются «конспектами мифов», отражающими наиболее яркие и драматические сюжеты. В таком случае вышеприведенные соответствия им в Авесте и Ригведе не случайны и дают дополнительные аргументы в пользу того, что племена БМАК были уже арийскими, а религия их может быть названа прото-зороастрийской.

Есть все основания полагать, что при миграциях люди легче и быстрее изменяют свою материальную, а не духовную культуру, консервативно сохраняя свои религиозные верования, обряды и мифологические представления на новом месте проживания, вне зависимости от того, как далеко оно отстоит от их бывшей родины. В таком случае отмеченное выше родство тем и образов бактрийско-маргианской и сиро-

хеттской глиптики отражает их генеалогическое родство, уходящее корнями вглубь тысячелетий. Именно отсюда, из сиро-анатолийского центра, арийские племена (родственные ахейским), в силу еще не совсем ясных причин двинулись на поиски новой родины в направлении Внешнего Ирана. Промежуточные пункты их продвижения фиксируются в Эламе, Гиляне (Марлик) и в Хорасане (Гиссар – Тюренгтепе), Восточном Иране (Шахдад, Тепе-Яхья, Сохри-Сохте). Конечный пункт маркируют многочисленные памятники БМАК, а также Белуджистана и предположительно долины Инда постхаррапского времени, когда здесь появляются ведические арии.

В.И. Сарияниди

SYRO-HITTITE ORIGIN
OF THE BACTRIAN-MARGIANA GLYPTICS

V.I. Sarianidi

The article gives a brief review of glyptics of the so-called Bactrian-Margiana Archaeological Complex (BMAC). The author dates the complex within the limits of the second millennium BC, analyses the iconography of its glyptics and registers numerous parallels between the images and motifs of the BMAC seals and those of the Syro-Hittite (and even Aegean) glyptics.

According to the author, these parallels demonstrate close ethnic and cultural ties between these two regions, Margiana and Bactria in the East and Southern Anatolia in the West. The author assumes that penetration of the «Syro-Hittite» imagery in the BMAC glyptic reflects in a way a real spread and settlement of some Indo-European groups in Central Asia at the end of the Bronze Age.

*Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй
Запада и Востока)*

© 1999 г.

СВИТА (CONORS) НАМЕСТНИКА
И ИДЕОЛОГИЯ РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

I

В общем и в целом римляне предпочитали представлять свой империализм мягким и благодетельным для тех, кто оказался в пределах их империи. Считалось, что исключения лишь подтверждают правило. В частности, развитие законодательства, сдерживавшего должностные злоупотребления в провинциях, всегда выдвигалось как доказательство приверженности римлян к справедливому правлению, каковы бы ни были конкретные обстоятельства и цели соответствующих законов¹. На фоне этого законодательства частные случаи злоупотребления властью могли уместиться в рамках «идеологии благодетельности», поскольку они рассматривались как единичные отклонения от верного принципа. В этом отношении судебное преследование коррупционных наместников могло иметь и полезную идеологическую функцию. Если мы учтем тот факт, что в римской литературе нередко высказываются опасения по поводу благотворности римского империализма, а сами писатели без труда высказывают и публикуют критические замечания (как абсолютно, так и не вполне спра-

¹ Lintott A. Imperium romanum. Politics and Administration. L. – N.Y., 1993. P. 97–110.